КАРТОЧНЫЙ ШУЛЕР

Ты – карточный игрок, ты шулер,
Царишь ты посреди времён,
Талантлив, как Спартак Мишулин,
И изворотлив, и умён.

Играешь, будто проверяешь
Соперника – на точный глаз.
Ты карты в пальцах растворяешь,
Выигрывая всякий раз.

Тебя партнёры не любили,
Ты грабил их и шёл на дно.
Но как тебя однажды били
В пустом московском казино!

О, шулер, шулер, ты – младенец
В сравненьи с теми, кто страну
То проиграет, то разденет,
То бросит в новую войну.

Их снятые с России пенки
Послаще шулерских твоих.
Вот этих бы поставить к стенке,
Да нету Сталина на них!

* * *

Завалило город ватой.
Время свадеб подошло.
«Хлопцы, сватью или свата
Засылайте на село.

Там, где тихие криницы,
Где ещё пшеницу жнут,
Вас окрестные девицы
Под подсолнухами ждут.

За женою, за девицей
Поезжайте на село.
Там у них такие лица,
Будто солнце их зажгло.

Там, у каждой — крупорушка,
Там, у каждой — ремесло».
И поверил я старушке,
И поехал на село.

«Как алмазу дать огранку?» —
Думал я, спеша во мглу.
Посмотрел: как будто танки
Прокатились по селу.

Деревенские останки
Три-четыре бабки жгут.
И в сельпо две наркоманки
Наркомана-принца ждут.

НЕВИДАННЫЙ СОН

Ночью мне снился невиданный сон:
Мир без обмана.
Ангел садился на чистый песок
Русского стана.

Всё было нашим — Россия, Москва,
Поле и солнце.
Где нам свои не качали права
Шляхта, эстонцы.

Крым, Севастополь — родные углы,
Их не украли.
А Украина, ребята-хохлы —
Русскими стали.

Снилась Россия счастливых людей,
Сильных, не слабых.
Снилась Москва без масонских затей
И без Зурабов.

Надо уже было к свету вставать,
Дворник загаркал.
Тут понесли сбереженья сдавать
Сто олигархов.

Каждый из них приносил триллион
В Госбезопасность…
И Абрамович украсил мой сон,
И Дерипаска.

…Я издавал то ли смех, то ли стон,
Дух мой дивился.
Ах, какой чудный и правильный сон!
Жаль, что не сбылся!

УЧИТЕЛЬНИЦА

Она идёт через дорогу
В своей подбитой, старой шубке.
Какой ей быть, угодно Богу,
А ей вослед несутся шутки,

Что, мол, такая — никакая!
Одета плохо, не по моде.
И воду вёдрами таскает,
И пропадает в огороде.

Что нет причёски, маникюра,
Богатства нет, детишек двое.
Ещё, представьте, эта дура
По мужику ночами воет.

Она идёт и слов не слышит,
Которые — любого — ранят.
А дома двое ждут мальчишек,
И печка, и цветок герани.

Она идёт к своей недоле,
Несёт крупу и булку хлеба.
Но даже в темень среди поля
Ей Божьим светом светит небо.

* * *

Я не знаю, куда взвился день мой пылающий:
Почернели цветы и листы камыша…
В небе стынет печаль, стонет свет отлетающий,
Стала тесной земля и заблудшей душа.

Гнётся ива в ночи и с тоской беспощадною
Обнимает луны безответную тень…
Вспоминает судьба мою жизнь не парадную,
Всё пытаясь поймать улетающий день.

День уже иссечён злыми ветрами времени,
Он пробитым крылом еле плещет вдали.
Ему падать ещё с пулей-дурою в темени
И, быть может, спастись, но уже вне земли…

ВЕРГИЛИЙ

Что́ возле ада нам скажет сегодня Вергилий,
Ставший для Данте прославленным поводырём?
Мы с ним соратники, адовы слуги, враги ли?
Данте в аду, а кого мы ещё подберём?

Ждут нас Горгона, и Цербер, и фурий преграда,
В коих таится последнего вздоха цена.
Данте и девять кругов злополучного Ада,
Круг замыкался, и падала в бездну стена.

Помнил Вергилий все камни и все закоулки,
Где проходил неземной, неизведанный путь,
Но всякий раз запинался в безвременье гулком,
Мыслил обратно в пустынную брешь повернуть.

Стану Вергилием жизни, а кто станет Дантом?
Как страстотерпца, подобного Данте, найду?
Где же мне взять эту бездну ума и таланта,
Чтобы Вергилием быть в современном аду?

* * *

Тамаре Бусаргиной*

Премудрости жизни не выучишь разом,
Не выстоишь воином в поле святом…
Когда вдруг заилятся сердце и разум,
Охота прийти в твой обласканный дом.

Я чтил твои встречи, слова, разговоры,
К тебе направлялся мой вектор стихов.
В России валились дома и заборы,
И тлела деревня среди угольков.

Грома затихали, а войны гремели,
Былое в веках уставало от дум…
А помнишь, как с Глебом вы слушать умели,
И, кажется, рядом сидел Аввакум.

Князь Игорь вбегал Аввакуму на смену,
Забыв, что он половца бил на скаку…
Глазами Кончак пробуравливал стену,
Как только я «Слово» читал «о полку».

Я знанья свои в вашем доме упрочил,
Когда святорусскому слову внимал,
Я в вашей семье обретал средоточье,
И веру, и правду, и честь принимал.

…И мне никогда не забыть в этом доме,
Как свет и любовь полыхали в крови,
Где жил Аввакум в чёрно-бархатном томе…
И мне не избыть благодарной любви!

**Тамара Бусаргина – вдова выдающегося русского писателя Глеба Пакулова, автора романа о протопопе Аввакуме «Гарь», выпущенного издательством «Вече» в серии «Сибириада»*

* * *

Мир тяжёлый вокруг, он и новый и древний,
От орудий глубокие в нём колеи.
А я снова во сне навещаю деревню,
Крутояры мои, глухомани мои.

Светит грустная даль и угрюмится осень,
По откосам дорог конский щавель стоит.
Терпкость прошлого дня
Тёплый воздух приносит
И щемящую боль в птичьих криках таит.

Запахнула печаль до китайской границы
Пустоту одичавших и жухлых полей.
Снится им или нет золотая пшеница,
Молодых колосков сладкий запах и клей.

Но лежит пустота целиной поднебесной,
И молчит пустота над деревней моей,
Обернулась земля нескончаемой бездной,
И не стало в России лугов и полей.

Мне охота кричать, чтобы лоно земное
Стало жить и рожать, пить дожди и ручьи.
Слышу – стонут во тьме, убегая за мною,
Крутояры мои, глухомани мои…